

Себастьян Жапρίζо

**ДАМА
В АВТОМОБИЛЕ,
С РУЖЬЕМ И В ОЧКАХ**

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Sébastien Japrisot

LA DAME DANS L'AUTO
AVEC DES LUNETTES
ET UN FUSIL

ПРЕДИСЛОВИЕ

– *Считаете ли вы себя, прежде всего, автором детективов?*

– «Купе смертников» и «Ловушка для Золушки» получились детективными романами только потому, что до того, как я начал их писать, было оговорено, что они выйдут в серии детективов.

Что касается «Дамы в автомобиле...», то она должна была издаваться в этой же серии, но оказалась слишком велика по объему.

Все три книги были неправильно восприняты: критики детективных романов сочли их излишне литературными, критики просто романов – излишне захватывающими.

По крайней мере, так они говорили.

– *Можно ли сказать, что «Дама в автомобиле...» – это приключение женщины, ищущей саму себя?*

И невероятное приключение, которое она переживает, понемногу начиная понимать, что становится другой, на самом деле лишь испытание, позволившее ей вернуться к своей сущности и, в какой-то степени, состояться?

– Простите. Вернуться к своей сущности, состояться – французские слова, но я не улавливаю их смысла. Насколько я помню, у Дамы в автомобиле и без того хватает проблем, чтобы придумывать себе новые.

Это у меня, когда я писал эту книгу, возникла проблема. С момента издания «Купе смертников» и «Ловушки для Золушки» прошло два года. Многие знакомые уже стали думать, что третья книга так никогда и не выйдет, поскольку, как они утверждали, восхваления, выпавшие на долю двух первых, повергли меня в состояние протрации. Это неправда, я никогда не бываю согласен с тем, что говорят – неважно, хорошо или плохо – о том, что я пишу, но в какой-то мере это так – мне хотелось, чтобы эта книга была лучше двух предыдущих.

И, как я уже сказал, мне потребовалось больше времени, чтобы ее написать, я был сосредоточеннее, больше старался. А когда стараешься, то и вкладываешь больше. Наверное, поэтому создается впечатление, что в этой книге есть нечто иное, чем просто поиск убийцы.

Однажды глубокой ночью – я уже работал часов пятнадцать кряду – дома все спали, да и все на свете спали. Мне хотелось дописать главу, но ничего не получалось, меня уже тошнило от слов, сигарет

и от совсем-немножко-алкоголя-только-чтобы-взбодриться. Тогда, пытаясь сдвинуться с мертвой точки, я написал фразу, которая звучала примерно так: «Продолжай, пусть у тебя осталась всего-навсего правая рука и разбитое сердце, но все равно не останавливайся, не задавай себе лишних вопросов». Я не стал вычеркивать эту фразу, она осталась в книге. То есть я хочу сказать, что я в этой книге тоже присутствую.

– *Это правда, что вы испытываете особую нежность к юным созданиям, неуверенным в себе, что в ваших романах прослеживается их взросление?*

– Да, правда. Я очень люблю подростка, каким когда-то был. Или, скажем так, в себе мне нравится именно тот подросток, которым я был. Я уже говорил, что стараюсь оставаться им как можно дольше. Если то, что я пишу, или сам процесс письма возвращает меня к нему, если я вновь становлюсь им, значит, это время потрачено наименее бездарно и впустую.

Дама в автомобиле – моя любимая героиня. Мне с ней никогда не было скучно. Она совершенно не понимает, что с ней происходит, что замечательно для литературного героя, тогда все выглядит на редкость правдиво. Кроме того, обычно я знал о том, что произойдет, раньше нее, а это страшно вдохновляет. Женщина, которая позволяет мужчине думать, что он умный, – большая редкость.

Когда я дописал последнюю строчку, то даже пожалел, что все кончено, что теперь она отправляется

в самостоятельную жизнь уже без меня. А потом сказал себе, что однажды, так или иначе, я снова с ней встречусь. И вот это произошло, потому что с ней встретится читатель. А может быть, откроет ее для себя.

ДАМА

Я никогда не видела моря.

Черно-белый кафельный пол колыхается волнами в нескольких сантиметрах от глаз.

Мне до смерти больно.

Но я жива.

Когда на меня набросились – нет, я не сошла с ума, кто-то или что-то действительно набросилось на меня, – я подумала, что никогда не видела моря. Уже много часов мне было страшно. Страшно, что меня арестуют, просто страшно. Я придумывала себе кучу дурацких оправданий, а это – самое дурацкое из всех, что пришли мне на ум: не бейте меня, я правда ни в чем не виновата, я только хотела увидеть море.

Я знаю, что кричала, кричала изо всех сил, но эти крики так и не вырвались у меня из груди. Меня оторвали от пола, меня душили.

Я продолжала кричать, но при этом думала: все это неправда, ужасный сон, я проснусь утром у себя в комнате.

А потом еще это.

Заглушая все крики, да, я это слышала: хруст костей собственной руки, мне ломали руку.

Боль не бывает ни черной, ни красной. Это колодец слепящего света, и существует он только у вас в голове. И все-таки вы проваливаетесь в него.

Лоб холодят кафельные плитки пола. Наверное, я во второй раз потеряла сознание.

Не шевелиться. Главное, не шевелиться.

Нет, я не лежу, а стою на коленях, согнувшись пополам, прижимаю к животу пылающую огнем левую руку, пытаюсь унять боль, раздирающую плечи, затылок, поясницу.

Сквозь упавшие мне на глаза пряди волос я вижу, как прямо перед моим лицом по белой плитке пола ползет муравей. Чуть дальше – что-то серое и вытянутое вверх, вероятно, слив раковины.

Мне кажется, я не снимала очки. Скорее всего, они слетели, когда меня волокли назад, я не сошла с ума, кто-то или что-то волокло меня назад, зажав мне рот, чтобы я не кричала, – нужно найти очки.

Сколько времени я стою на коленях в темном крохотном закутке размером три шага на два? Уже много часов или всего несколько минут? Я никогда в жизни не теряла сознания. Это даже не провал в памяти, а так, небольшое выпадение.

Если бы я находилась здесь очень долго, там, снаружи, забеспокоились бы. А вообще-то я стою перед раковиной, прижав к щеке правую руку – она еще влажная.

Нужно найти очки, нужно встать на ноги.

Когда я поднимаю голову – резко, слишком резко, – плитка начинает кружиться, я боюсь, что снова потеряю сознание, но все стихает – и шум в ушах, и даже боль. Она вся переместилась в левую руку, на которую я даже не смотрю, но, кажется, она стала каменной и страшно распухла.

Зацепиться правой рукой за раковину и подняться.

Я на ногах, мое расплывчатое отражение перемещается вместе со мной по зеркалу, висящему напротив, мне кажется, время возобновило свой ход.

Я знаю, где нахожусь: туалет на бензозаправке на шоссе в Авалон. Я знаю, кто я такая: идиотка, удирающая от полиции, – лицо в зеркале, к которому я тянусь и почти касаюсь, рука, горящая от боли; я поднимаю ее на уровень глаз, чтобы разглядеть поближе, слеза, скатившаяся по щеке и упавшая мне на руку, прерывистое дыхание в этом странно притихшем окружающем меня мире.

Когда я вошла, то положила сумку у зеркала, в котором вижу себя. Сумка по-прежнему здесь.

Я с трудом открываю ее, одновременно правой рукой и зубами, ищу вторую пару очков, те, в которых печатаю на машинке.

Теперь мое лицо в зеркале становится четче, оно в пыли, заплаканное, искаженное страхом.

Я боюсь снова взглянуть на левую руку, прижимаю ее к себе, к своему белому перепачканному костюму.

Входная дверь закрыта, хотя, войдя, я оставила ее приоткрытой.

Я не сошла с ума. Я поставила машину, попросила, чтобы налили полный бак. Хотела причесаться,

помыть руки. Мне указали на небольшой домик с белеными стенами неподалеку от заправки. Внутри было так темно, что я не стала закрывать дверь. Я не знаю, случилось ли это сразу, или я все-таки успела причесаться. Помню только, что открыла кран, вода была прохладной – ну, конечно, я причесалась, теперь я уверена! – а затем какое-то дуновение воздуха, кто-то рядом, что-то живое и враждебное позади меня. Меня оторвали от пола, я кричала изо всех сил, но крики не вылетали из груди, я не успела понять, что происходит, боль, вонзившаяся в руку, сразила меня полностью, я стояла на коленях, я была одна. Я по-прежнему здесь.

Еще раз открыть сумку.

Деньги на месте в конверте с логотипом нашего агентства. Ничего не взяли.

Полный абсурд, это невозможно!

Я пересчитываю купюры, сбиваюсь, начинаю сначала, у меня падает сердце: никто не собирался красть мои деньги или что-то еще, единственное, что они хотели – я сошла с ума, я сойду с ума, – это сломать мне руку.

Я смотрю на свою левую руку, опухшие, посиневшие пальцы и вдруг не выдерживаю, прислоняюсь к раковине, снова опускаюсь на колени и начинаю выть. Я буду выть, как зверь, до скончания века, буду выть, рыдать и колотить ногами до тех пор, пока кто-нибудь не придет сюда и пока я не увижу дневной свет.

Я слышу торопливые шаги снаружи, голоса, скрип гравия.

Я вою.

Дверь рывком распахивается, открыв ослепительный мир.

Июльское солнце не сдвинулось со своего места над холмами. Вбегают люди, склоняются надо мной, говорят хором – я их уже видела, когда выходила из машины. Я узнаю хозяина станции, двух клиентов, наверное, они местные, тоже остановились здесь по пути заправиться.

Пока мне помогают подняться, я рыдаю во все горло, но внезапно замечаю одну дурацкую деталь: из крана по-прежнему течет вода. А ведь только что я этого даже не слышала. Мне хочется закрыть этот кран, я должна его закрыть.

Те, кто наблюдает за мной, не могут ничего понять. Ни то, что я не помню, как долго здесь была. Ни то, что у меня две пары очков: они протягивают упавшие на пол и заставляют десять раз кряду повторить, что они мои. Они твердят: «Ну успокойтесь же, успокойтесь», – принимая меня за сумасшедшую.

Снаружи так светло, так спокойно, так чудовищно реально, что мои слезы разом высыхают. Такая же автозаправочная станция, как все остальные. Бензоколонки, гравий, белые стены, аляповатый рекламный плакат в окне, живая изгородь из бересклета и олеандра. Шесть часов летнего вечера. Как я могла орать и кататься по полу?

Машина стоит там, где я ее поставила. Увидев ее, я испытываю тот же страх, который появился во мне, когда все это произошло. Меня начнут спрашивать, допытываться, откуда я еду, что случилось, я буду врать, они догадаются, что я что-то скрываю.

На пороге конторы, куда меня ведут, стоит женщина в синем переднике и девчушка лет шести-семи, они ждут меня, у них слегка взволнованные лица, но, скорее, их одолевает любопытство, как в театре.

Только вчера в такое же время маленькая девочка с длинными волосами, держа в руках куклу, смотрела, как я подхожу к ней. И вчера вечером мне тоже было неловко. Сама не понимаю, почему мне было неловко.

Нет, скорее, понимаю. Прекрасно понимаю. Я не могу вынести детского взгляда. Потому что там, в прошлом, за мной наблюдает маленькая девочка, которой я когда-то была.

Море.

Если все сложится неудачно, если меня арестуют и придется представить – как это называется? – алиби, объяснение начать нужно будет именно с моря.

Это не будет вся правда, но я буду говорить долго, не переводя дыхания, со слезами в голосе, буду выглядеть простодушной жертвой мечты для бедных. Я напридумываю невесть что, лишь бы это звучало правдоподобно: приступы раздвоения личности, дедушки-бабушки, страдающие алкоголизмом, или что в детстве я упала с лестницы. Пусть я до смерти надоем тем, кто будет меня допрашивать, пусть они увязнут в потоке этой приторной чуши.

Я им скажу: я не отдавала себе отчета в том, что делаю, действовала как бы я и в то же время как бы не я, понимаете? Я-то думала, что это удобный случай увидеть море. Виновата не я, а та, другая.

Они мне наверняка ответят, что раз уж мне так хотелось увидеть море, то я давно уже могла это сделать. Всего-навсего взять билет на поезд и снять пансион на курорте Палава-ле-Фло, многие другие именно так и делают, и ничего – живы-здоровы, а кроме того, для этого придуманы оплачиваемые отпуска.

А я им скажу, что часто хотела поступить именно так, но не получилось.

Что, кстати, чистая правда. Каждое лето, вот уже шесть лет подряд, я пишу в туристические бюро, в отели, получаю от них проспекты, останавливаюсь возле витрин с купальниками. Однажды я уже почти подошла к двери бюро, оставалось только нажать на кнопку звонка и купить летний тур. Две недели на пляже на Балеарских островах, включая авиабилет в оба конца и поездку в Пальму, а также оркестр, тренера по плаванию и яхту на все время пребывания там, ну а страховая компания «Юнион-Ви» гарантирует отличную погоду и все остальное; от одного взгляда на программу подобного отдыха покрываешься легким загаром. Но понимаете, как хотите, каждое лето пол-отпуска я провожу в отеле под названием «Центральный», кстати, единственном в Монбриане (Верхняя Луара), а вторую половину – неподалеку от Компьень у старинной школьной подружки, к ней в придачу «ее собственный» муж и глухая свекровь. Мы играем в бридж-белот*.

* *Бридж-белот* – разновидность карточной игры белот, появившейся в XIX – начале XX века в странах Средиземноморья. (Здесь и далее примеч. пер.)

Это вовсе не означает, что я настолько дорожу своими привычками или так пристрастилась к карточной игре. И совсем не потому, что отличаюсь излишней робостью. Напротив, нужно обладать известной наглостью, чтобы привирать знакомым о своих пляжных впечатлениях в Сен-Тропе, когда возвращаешься из комьпенских лесов. Короче говоря, я сама ничего не понимаю.

Я ненавижу тех, кто видел море, ненавижу тех, кто его не видел, похоже, что я ненавижу весь мир. Вот так-то. Похоже, я ненавижу саму себя. И если это что-то объясняет, я не стану спорить.

Меня зовут Дани Лонго. Точнее, Мари-Виржини Лонго. Я придумала имя Даниэль, когда была маленькой. Я лгу, как дышу. Сейчас мне бы больше подошло имя Виржини, но втолковать это другим нереально.

Мне двадцать шесть лет по паспорту, одиннадцать или двенадцать – по умственному развитию, сто шестьдесят восемь сантиметров роста, относительно белокурые волосы, но каждый месяц я их обесцвечиваю тридцатипроцентным раствором перекиси водорода, я не уродина, но ношу очки с дымчатыми стеклами, это моя дурацкая фишка: пытаюсь скрыть близорукость, хотя все уже давно ее заметили. А лучше всего я умею молчать.

Впрочем, я никогда ни с кем ни о чем толком не говорила, разве что: передайте мне соль. Правда, два раза все-таки попыталась, но потом оба раза жалела. Ненавижу тех, кто с первого раза не понимает, что их игнорируют. Ненавижу себя.

Я родилась в деревне во Фландрии, но в памяти остался только запах угля, смешанного с грязью,

женщинам разрешалось собирать его возле шахт. Мой отец, итальянский эмигрант, работал на вокзале; когда мне было два года, он погиб под колесами поезда, украв из вагона ящик английских булавок. Поскольку близорукость я унаследовала от него, то готова биться об заклад, что он просто не разобрал, что было написано на ящике.

Дело происходило во время оккупации, содержимое состава предназначалось немецкой армии. Несколько лет спустя отец был в какой-то мере реабилитирован. В одном из ящиков комода в память о нем хранится серебряная медаль с изображением девушки, разрывающей оковы, как ярмарочный силач. Всякий раз, когда я вижу, как на улице исполняют этот трюк, я думаю об отце, не могу не думать...

Но в нашей семье не все герои. После Освобождения, меньше чем через два года после гибели мужа, моя мать выбросилась из окна мэрии, когда ей обрили голову*. От нее я ничего не храню. Если когда-нибудь я расскажу кому-то эту историю, то добавлю: не осталось даже пряди волос. И пусть на меня таращат с возмущением глаза, мне наплевать.

За два года я видела эту бедолагу всего два или три раза в приютской комнате для свиданий. Даже не могу сказать, как она выглядела. Бедолага – и выглядела, наверное, так же. Она тоже была родом

* С 1943 по 1946 г. больше 20 тысяч женщин во Франции были обвинены в сотрудничестве с оккупантами и наголо обриты. Таково было наказание за то, что они помогали врагу, выказывали симпатии нацистской Германии или просто спали с немцами, что называлось «горизонтальным коллаборационизмом».

из Италии. Звали ее Рената Кастеллани. Родилась в Сан-Аполлинаре, провинция Фрозиноне. Когда она умерла, ей было двадцать четыре года. Теперь моя мать моложе меня.

Обо всем этом я узнала из записи о моем рождении. Воспитавшие меня монахини не хотели рассказывать мне о матери. Получив аттестат зрелости и обретя независимость, я поехала в деревню, где мы когда-то жили. Мне показали участок на кладбище, где она похоронена. Я хотела накопить денег и что-то для нее сделать, например поставить памятник, но мне не разрешили, это была братская могила.

А вообще-то мне все равно.

Несколько месяцев я работала в Ле-Мане* секретаршей на фабрике игрушек, потом в Нуайоне** у нотариуса. Когда мне исполнилось двадцать, я нашла работу в Париже. Я ее потом сменила, но в Париже живу до сих пор. Сейчас я получаю 1270 франков в месяц за вычетом налогов – печатаю на машинке, раскладываю папки, отвечаю на звонки, время от времени выбрасываю мусор из корзин для бумаг двадцати восьми служащих рекламного агентства.

Такая зарплата позволяет мне есть стейк с жареной картошкой на обед, йогурты и джем на ужин, одеваться примерно так, как я люблю, снимать студию на улице Гренель и каждые две недели забивать свой ум чтением журнала «Мари-Клэр», а по вечерам

* *Ле-Ман* – город во Франции в департаменте Сарт. Вместе с пригородами это один из семи крупнейших по населению городов страны.

** *Нуайон* – город на севере Франции, департамент Уаза.

просмотром двух каналов по телевизору с большим экраном и повышенной яркостью изображения, мне остались всего три выплаты. Я хорошо сплю, не пью, курю умеренно, у меня было несколько любовных интрижек, но не из тех, что вызывают недомогание консержки; правда, у меня в доме ее нет, зато есть соседи по площадке, и я дорожу их уважением. Я свободна, никаких забот и при этом глубоко несчастна.

Вполне вероятно, что те, кто меня знает, дизайнеры нашего агентства или бакалейщик в моем квартале, были бы потрясены, что я еще на что-то жалуюсь. Но даже до того, как я научилась ходить, я поняла, что если сам себя не пожалеешь, то никто не пожалеет.

Итак, вчерашний вечер, пятница 10 июля. Теперь мне кажется, что это было целую вечность назад, в какой-то другой жизни.

Кажется, оставалось не больше часа до закрытия агентства. Оно занимает два этажа – бывшие квартиры – в здании с колоннами и затейливой лепниной возле площади Трокадеро. Почти везде от жильцов остались хрустальные люстры с подвесками, которые позвякивают от малейшего дуновения воздуха, мраморные каминные, потускневшие зеркала. Мой офис на третьем этаже.

В окно за спиной било солнце, освещая разложенные на столе бумаги. Я проверила план рекламной кампании фирмы «Фросей» (туалетная вода, свежая, как роса), двадцать минут требовала по телефону возместить нам двадцать процентов от

стоимости неудачно размещенного в еженедельнике объявления, напечатала на машинке два письма. Вернее, только одно, потому что выходила в соседнее кафе выпить кофе с двумя редакторшами и одним красавчиком из отдела покупки рекламного пространства. Именно он попросил меня позвонить по поводу загубленного объявления. Когда он сам ведет переговоры, всегда остается ни с чем.

Это был обычный конец рабочего дня, хотя, впрочем, не совсем обычный. В мастерской художники рассуждали о машинах и о Кики Карон*, праздно болтающиеся девицы забежали ко мне стрельнуть сигаретку, заместитель заместителя шефа, любитель поорать, дабы создать иллюзию собственной незаменимости, но при этом ни черта не делать, что-то кричал в коридоре. Всё, как всегда, но при этом в воздухе чувствовалось то общее нетерпение и ликование, которые обычно предшествуют длинным выходным.

14 июля** в этом году выпало на вторник, и еще в январе (то есть с того момента, как нам раздали служебные календари) было условлено, что рабочие дни распределят таким образом, чтобы у нас получилось четыре выходных дня подряд. Вклинившийся в праздники понедельник все, кроме меня, уже отработали – они выходили на полдня две

* *Кристин «Кики» Карон* – французская пловчиха, чемпионка Европы 1966 г., серебряный призер летних Олимпийских игр 1964 г.

** 14 июля во Франции отмечается национальный праздник – День взятия Бастилии, или День 14 июля, установленный в 1880 г.

субботы. Но я-то как раз в это время брала отпуск. И вовсе не из альтруизма, не ради того, чтобы кто-то другой смог отдохнуть в июле, а только потому, и пусть меня покарает Господь, если я лгу, что даже в отеле «Центральный» в Монбриане (Верхняя Луара) все забито до конца летнего сезона. Все как с ума посходили.

Есть и еще одна причина – если меня арестуют, не забыть сказать о ней, – когда я вышла на работу, якобы вернувшись со Средиземного моря с загаром, приобретенным при напряжении 220 вольт (я подарила себе на день рождения ультрафиолетовую лампу за сто восемьдесят франков; говорят, от нее бывает рак, но мне наплевать), все остальные, донельзя возбужденные, еще только собирались уходить в отпуск. Для меня все уже было кончено, кранты до скончания веков – вернее, до следующего года, а каникулярное время, по крайней мере, как мне кажется, имеет особое свойство: я, например, могу легко и без сожаления забыть о нем, едва переступив порог своего офиса. Но как бы не так, все словно решили продлить мою агонию, потихоньку подливая масла в огонь.

Мужчины едут в Югославию. Уж не знаю, как они там крутятся, но они впаривают югославам этикетки для консервов, поэтому у них там всегда водятся денюжата. Они утверждают, что не бог весть какие, но за пять вольтеров* в день можно жить припеваючи –

* *Вольтер* – французская банкнота в десять франков с изображением Вольтера была выпущена Банком Франции в январе 1964 г. и выпускалась до декабря 1973 г. Она заменила банкноту десять франков с изображением Ришелье.

валяться на роскошных пляжах, прихватив с собой жену, свояченицу и всех ребятишек, а если еще умело проходить таможеню, то можно даже прихватить оттуда сувениры – местный выпивон или крестьянские вилы, из которых потом смастерить вешалку. Просто всю голову они нам задурили этой Югославией.

Ну а девушкам подавай Кап-д'Антиб*. Если будешь неподалеку, заезжай повидаться, там рядом живет один мой приятель, у него бассейн, он туда добавляет специальное средство, которое повышает плотность воды – даже если ты плаваешь, как топор, все равно не утонешь. Во время обеденного перерыва они шли в наступление на магазины «Призюник» или «Инно-Пасси», держа в одной руке бутерброд, а в другой конверт с премиальными за июль. Я видела, как они, раскрасневшись от беготни, растрепанные в битвах на распродажах, врываются в агентство – в глазах отражается море, в руках – пакеты с покупками: нейлоновое платье для танцев, которое умещается в пачке от сигарет, или приемник *made-in-Japan*** со встроенным магнитофоном, можно ловить все передачи канала «Европа Один»*** и одновременно их записывать, к нему прилагаются еще две бесплатные кассеты, чехол от приемника

* *Кап-д'Антиб* – мыс Антиб, один из фешенебельных курортов Французской Ривьеры.

** *Made in Japan* (англ.) – сделано в Японии.

*** «*Европа Один*» – частная радиостанция, созданная во Франции в 1955 г., одна из ведущих радиовещательных станций с очень популярными музыкальными и развлекательными программами.

можно использовать как пляжную сумку, а если его надуть – получается подушка. И пусть меня покарает Господь, если я лгу, одна из девиц даже потащила меня как-то днем в туалет, чтобы я оценила ее новый купальник.

Двадцать шесть лет мне исполнилось 4 июля, в прошлую субботу, после того как закончилось предотпускное буйство. Я проторчала весь день дома, немного убирала квартиру, ни с кем не встречалась. Чувствовала себя старой, как-то внезапно ужасно постаревшей, унылой, подслеповатой и глупой. И до неприличия завистливой. Даже когда думаешь, что больше не веришь в Бога, быть настолько завистливой – все равно грех.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА